

Литература И ЖИЗНЬ

Орган правления Союза писателей РСФСР

№ 45 (315)
Год издания 3-й

Среда, 13 апреля 1960 г.

Цена 40 коп.

ПУСТЬ СКОРЕЕ НАСТУПИТ ВЕСНА!

В ХОРОШУЮ пору собрался пленум Союза писателей, посвященный теме «Драматургия и современность». В весенние дни! И не только в смысле даты чисто календарной, но, прежде всего, в смысле общего стремительного подъема жизни политической, общественной, хозяйственной. Да и в смысле оживления самой жизни драматургии и театра.

Говорят, одна ласточка еще не делает весны. И это справедливо! Но если ласточки прилетают одна за другой, то ощущение весны становится уже более реальным. «Стряпуха» Софронова и «Иркутская история» Арбузова, «Осенние зори» Блинова и «Друг мой, Колька!» Хмелика, «Барabanщица» Салынского и «Якорная площадь» Штока... Все это — радостные провозвестницы приближающихся теплых дней. На подступах — новая талантливая пьеса старейшины советской драматической литературы Погодина «Живые цветы», раскрывающая сложные, увлекательные процессы формирования коммунистического сознания и коммунистических характеров. В портфеле Художественного театра — новая пьеса Корнейчука «Над Днестром».

И вливаются в общий поток, устремленный вперед, новые люди, новые имена, новые произведения.

Но, конечно же, с позиций бурного поступательного движения народа нашего к коммунизму, всего того, что делают драматургия и театр, явно недостаточно.

Но весна неизбежно придет и сюда! И хочется, чтобы она была по-настоящему спорной, дружной.

Чего ждем мы все от писательского пленума? Многого! И в первую очередь, тесного, искреннего сплочения всех наших творческих сил. Сплочения, которое должно обеспечить дальнейший стремительный подъем искусства театра, кино, телевидения. Ждем, что пленум пройдет под благотворным знаком консолидации.

Консолидация — и грубость, бестактность, нетоварищеский тон по отношению друг к другу, консолидация — и узость взглядов, предвзятость и преднамеренность в оценке тех или иных произведений, консолидация — и передержки, искажения точек зрения, мысли своих оппонентов — все это явления несовместимые.

Трудно возбудить желание в литераторе консолидироваться со своим товарищем по профессии, если этот товарищ — совсем уже не по-товарищески — разговор о творчестве подменяет разговором о личности, приписывает человеку отнюдь не свойственные ему качества, вроде ущербности, огульно пытается скомпрометировать в глазах читателей все его устные и печатные выступления.

Трудно возбудить в литераторе желание консолидироваться со своим собратом по перу, если этот собрат организует публичное обсуждение статей этого литератора, созывает своих друзей и приятелей и... забывает пригласить лишь самого «героя дня». Это уже, так сказать, осуждение, а не обсуждение. И я не убежден, что обвиняемый, да к тому же заочно (о справедливости оценок и приговора речь даже и не может идти!), так уж всегда спешит братски обняться со своим обвинителем, заранее подписавшим ему несправедливый приговор!

Пожелаем лучше этому литератору мужества никогда не уходить от «боя», если он верит в правоту своих взглядов и идей. Ибо консолидация возможна лишь на принципиальной основе, на основе выяснения и преодоления ошибок и заблуждений, а не их смазывания.

Юр. ЗУБКОВ

Трудно возбудить в ком-либо желание консолидироваться с товарищем по профессии, если этот товарищ, упрекая других в передержках, сам тут же прибегает к ним, кого-то по соображениям, видимо, чисто приятельским, выгораживая, а кому-то по соображениям обратного порядка приписывая стремление оправдать художественно низкопробную драматургию.

Хочется все же думать, что подобные явления, имевшие место в дискуссии накануне пленума, — лишь плод печального недоразумения. Хочется надеяться, что на самом пленуме таких недоразумений не будет, что пленум проявит настоящую заинтересованную, подлинно партийную заботу о дальнейшем сплочении самых разнообразных художественных индивидуальностей и талантов в общем русле нашей борьбы за коммунизм.

Консолидация отнюдь и ни в какой степени не означает и не может означать взаимного амнистирования ошибок и промахов, взаимной уступчивости и снисходительности. Дружелюбие друг к другу, такт, чуткость и осторожность не имеют ничего общего с расплывчатостью, бесхребетностью и беспринципностью. Консолидация всех творческих сил нашей литературы и нашего искусства может осуществляться лишь на основе ленинских принципов правды жизни, народности и идейности, коммунистической партийности творчества. На основе торжества в действительности. На основе показа и утверждения положительных явлений жизни, пафоса труда, неизбежности победы нового над старым.

Вот почему я не могу пройти мимо одного из положений статьи Валентина Плучека «Поставлено в 1960-м...». Опубликованная на страницах «Литературной газеты», статья эта в ходе дискуссии уже подвергалась серьезной и обоснованной критике. И тем не менее субъективистская предвзятость одного из положений этой статьи заставляет еще раз говорить о ней.

«Я остро ощущаю, как нас, художников, — пишет В. Плучек, — немолимо опережает время, как нужно нам срочно, без промедления, искать правду выражения мысли и чувств, свойственных людям в сегодняшней жизни. Не случайно такой жадный интерес во всем мире вызывают опыты итальянских неореалистов, не случайно у нас, в Москве, так быстро завоевал симпатии молодой коллектив «Современника», где об этих вопросах думают и ищут ответа на них, хотя нередко и не находят...»

Оставляя в стороне вопрос о неореалистах, хотя я отнюдь не могу считать это течение самым прогрессивным и самым плодотворным даже в области чистой художественной формы, я не могу самым решительным образом не возразить В. Плучеку в его оценке театра «Современник». Нелегко отыскать сегодня пример среди наших сценических коллективов большего несоответствия театра своему названию.

Нельзя пройти мимо и одного из положений статьи Леонида Зорина «Драма — это борьба», помещенной в воскресном номере «Комсомольской правды». В этой статье Л. Зорин утверждает в качестве основного героя советской драматургии

человека, «остро чувствующего и напряженно думающего». И только! Человек же, созидая мир, новый мир на коммунистических началах, остается за бортом статьи Л. Зорина. И дело здесь в забвении не буквы горьковских традиций. Дело в забвении их духа.

Если в свое время некоторые из нас излишне часто задумывались над тем, можно ли писать о тех или иных явлениях жизни и говорить о них с полной открытостью в силу того, что, мол, о нас, о нашей действительности в целом за рубежами нашей страны может сложиться превратное, неверное представление, то теперь мы порой слишком часто забываем, что на нас равняются литература и искусство всего социалистического лагеря, прогрессивная литература и искусство всего мира. Ответственность за формирование сознания и эстетических взглядов человечества не должна покидать нас ни на одну минуту!

Конечно, было бы абсурдно и вредно требовать, чтобы мы все мыслили одинаково, одинаково относились к тем или иным явлениям жизни и искусства. И глупо обижаться, когда кто-либо, правдиво и полно изложив твою точку зрения, заявляет о своем решительном несогласии с ней. Нет! Ни художников, ни критиков стричь под одну гребенку нельзя. Но идейная, принципиальная основа, открывающая широчайший простор для творческого многообразия, — единственная и надежная основа консолидации.

И точно так же неверны и вредны попытки некоторых литераторов объявить отдельных художников вне критики, утвердить их художественную непогрешимость, расценивать всякое критическое, даже робкое замечание в их адрес едва ли не как посягательство на их творческую свободу.

Первые крылатые вестницы будущей весны драматургии и театра не могут скрыть от нас и той неясности, а порой и путаницы, которая существует в ряде теоретических вопросов, и в первую очередь, в вопросах о природе современного драматического конфликта и характера положительного героя современности, и довольно-таки не завидного состояния, в котором находятся у нас отдельные жанры, такие, например, как трагедия и комедия.

И, конечно же, только сплоченными, дружными усилиями, без передержек, предвзятости и узости сможем мы по-настоящему глубоко разобраться во всех этих вопросах, действительно, а не на словах способствовать новому подъему нашего искусства.

— Мы искренне рады вам, дорогие ласточки! Мы с нетерпением ждем весну и все хотим ускорить ее наступление. И постараемся сделать для этого все от нас зависящее. И мы верим: весна недалеко. И потому еще раз говорим ей: здравствуй!